

Андрей Затонский
Брызги первых дождей

Невыдуманные истории

Андрей Затонский

**Брызги первых дождей.
Невыдуманные истории**

«Издательские решения»

Затонский А.

Брызги первых дождей. Невыдуманные истории / А. Затонский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960727-0

Книга содержит три повести о походах 1988—1990 годов, написанные автором непосредственно после их окончания, то есть в возрасте 18—20 лет. Читателю она может быть интересна забытым своеобразием тех времен и походов тех времен, а также комментариями автора, уже солидно повзрослевшего и много раз изменившегося в жизни, к своему творчеству. Иллюстрирующие фотографии сделаны в ходе описываемых походов.

ISBN 978-5-44-960727-0

© Затонский А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление: 1988 – 2018	6
Одна неделя марта или правдивые рассказы о реальных событиях	7
Что-то вроде вступления	7
День 1: 23 марта 1988 г., среда	9
День 2: 24 марта 1988 г., четверг	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Брызги первых дождей Невыдуманные истории

Андрей Затонский

© Андрей Затонский, 2018

ISBN 978-5-4496-0727-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление: 1988 – 2018

В этом году у меня юбилей.

Тридцать лет назад я впервые сходил участником, и в том же году – руководителем в категорийный спортивный туристский поход.

Как и положено молодому студенту (комсомольцу, активисту и т.п.), был я рьян и горяч в оценке происходящего, и полагал свое мироощущение важным и нужным для окружающих. А потому писал о походах книги.

В походы тогда много народа ходило. Школьники ходили – безо всяких договоров с родителями и бутилированной воды на маршруте. Студенты ходили – билет до Москвы от Перми в купе стоил 28% моей стипендии, чего ж не ходить-то. Сейчас в районе 6—8 студенческих стипендий стоит. Взрослые ходили – их же отпускали в полный отпуск, а не на две недели со скрипом. Пенсионеры ходили – вот эти и сейчас временами ходят, сказывается закалка.

Жизнь за тридцать лет менялась много раз. И сейчас, возвращаясь из очередного похода, где ни Интернета, ни сотовой связи, опасаясь – в то же самое государство вернуться? Не случилось ли за время нашего отрыва от Большой Земли дефлот, война, новый пакет законов?

Последние изменения жизни приводят к тому, что в походы ходят все меньше. Множество коммерческих групп снуют по глубоко протоптанным маршрутам, отдельные энтузиасты умудряются собрать с области одну-две группы для походов высоких категорий сложности, но многое безвозвратно ушло в прошлое.

Слепок собственной памяти с этого прошлого я и предлагаю в виде этой книги. Как оно было в 1988-м, в 1989-м, в 1990-м годах.

Разумеется, сам я тоже менялся много раз за тридцать лет. Добрался до мастера спорта, чемпиона России и так далее. Моя точка зрения на излагаемые в книге события, конечно, тоже уже не та, что при написании этих текстов. Самому интересно читать и вспоминать, как молоды мы были, как искренне любили и верили, какие великолепные глупости совершали. Язык и понятийная система с тех пор тоже существенно изменилась, поэтому каждую повесть приходится излагать дважды. Текст излагается почти так, как он был написан много лет назад – разве что все фамилии удалены. А затем начинается разговор с самим собой в комментариях, ведь я уже совсем не тот, что автор этих строк. Мне есть, о чем с ним поговорить, со мной же двадцати-тридцатилетним, поспорить, а где-то и повздорить, понасмеяться или попечалиться. Заодно и объяснить тем, кому непонятны советские слова, что они тогда значили и какой подтекст несли.

В общем, моим ровесникам – приятных воспоминаний о своей молодости, юным читателям – удивления от того, что, оказывается, и так в жизни тоже может быть.

Одна неделя марта или правдивые рассказы о реальных событиях

Что-то вроде вступления

Началось это банально, как и полагается начинаться всяким интересным делам. Во время моего пребывания дома на каникулах я подошел к Надежде Ивановне¹ и попросил ее сводить на весенние каникулы штабье² в какой-нибудь дальний поход, на Кваркуш, Конжак или еще куда. Она загорелась. Мы говорили в райкоме около часа, потом шли по улице, и разговор не прерывался ни на минуту. Был январь, шел холодный крупный снег, и темнота лежала на городе, а разговор пробуждал к жизни воспоминания и заведомо несбыточные мечты. Такого вдохновения я не видел в ней раньше: казалось, она без конца готова говорить только о походах, планах, схемах, людях с рюкзаками, плохой и хорошей погоде, высоких горах и быстрых реках... Подытоживая, сказала:

– Андрей, если у тебя в жизни будет два настоящих увлечения, работа и туризм, ты будешь вполне счастлив!

О семейной жизни я уточнять не решился.

Н.И. сказала, что сама вести не может, но попросит одного из своих воспитанников, бывшего штабиста, Влада. Она же привела его на штаб³, куда пришли и родители желающих, чтобы решить, стоит ли отпускать своих чад в такое путешествие.

Ох он запудрил им мозги. И идти-то там совсем ничего, и спать-то в избах, а Денежкин – как на третий этаж по лестнице... Странные люди родители. Я не допускаю мысли о том, что штабье не рассказывает дома о прошлых походах, а стало быть, папы и мамы должны понимать, что наобещанные блага цивилизации – лапша на большие уши. Но ведь сидят, довольно кивают и дают «добро» только, когда услышат заверение руководителя, что ничего плохого в пути не случится. Что стоит такое заверение, и неужели без него не ясно, что кэп⁴ будет стараться сделать все, чтобы не было печали? *Santa simplicitas!*⁵

Влад не хотел брать много народа, заранее предчувствуя, что группа получится тяжелой на подъем. Но просились и просились, и под конец набралось 16 человек. Ничего себе. Одно утешение – девчонок шестеро! Кого другого на край положим, а сами в серединочку. Впрочем, насчет края я иллюзий не питал. Народ собирался молодой, необстрелянный, померзнут ведь...

Выход назначили на 23 марта утром. 21-го вечером собрались все, и были веселы и слегка взбудоражены предстоящей кругосветкой. Танюша с кэпом опоздали – раскладывали дома у него продукты, и их ждали что-то около часа. Рюкзаки подобрали ничего, нормально, большинство «Ермаков»⁶.

Поначалу я слегка терялся, не зная, куда себя девать, говорил на отвлеченные темы с окружающими. Потом все общество разбилось на зоны по интересам, и разговоры стали спе-

¹ Секретарь райкома комсомола г. Березники, опытный турист.

² Членов Березниковского городского комсомольского штаба «Трубачи», командиром которого я когда-то был.

³ Все правильно, «на штаб». То есть на еженедельное заседание штаба

⁴ Captain, то есть капитан, руководитель похода.

⁵ Святая простота (лат.) Так Джордано Бруно приветствовал ледяную старушку, привнесшую свой вклад – вязанку хвоста – в его инквизиторский костер.

⁶ Да. Тогда считалось, что лучше станкового рюкзака «Ермак» и не бывает. «Бобы» советская промышленность стала выпускать через несколько лет, а чтобы шить самостоятельно, было невозможно достать материал.

цифичнее. Сережа все хотел показать, какой он большой и сильный, толкался налево и направо. Девушки стояли в сторонке и балагурили. Было бездельно, а потому скучно.

Влад сначала мне чем-то не понравился – не то своей «туристостью», манерами поведения, присущими «истому» туристу, но не вяжущимися со штабными привычками, не то медлительностью и опозданием, а может быть, тем, что ему не нужны были никакие советы: он знал все сам⁷. Я как-то привык слегка хотя бы демократизировать решение любых вопросов, а кэп имел другой стиль. Впрочем, большинство народа было вполне довольны им, а себя я поприжал.

Девушки веселились не по делу, одна Таня ходила неизвестно на кого обиженная и, по приказу кэпа, выдавала мешки с продуктами. Все это тянулось очень долго, как мне показалось, можно было вдвое быстрее. Нас с Витей приписали третьими номерами к уже готовым парам дежурных⁸ для страховки. Мы покричали для вида, весело повозмущались. Я попал, кажется, к Наташке⁹ – ничего, жить можно. Впрочем, не все ли равно? Перспектива вставать на час раньше не из приятных, но на обильный сон и так рассчитывать не приходится, так что часом больше, часом меньше...

Влад сказал: нужно раскладывать людей по спальникам. Я слегка удивился: помнится, после одного инцидента принудительную раскладку отменили. Она, конечно, не вымерла, но происходила негласно, а тут... Ладно, ему виднее, «жираф большой».

– Всем пофиг, как спать, или нет? – задал решающий вопрос командор. – Ну, раз всем, то я калибровать буду. Татьяну... – решительная отметка ручкой в списке, – я беру под свою опеку.

И так далее. К нам с Витей попали Юля с Ириной, а в мужской спальник, кроме всех прочих, попал Слава. Боже, как у него вытянулось личико!.. Сейчас заплачет. Витька увидел, обозлился, резко подошел к нему и оборвал на полуслове какую-то реплику. (Славка воззрился с недоумением: раз обошли, да еще обижают – ох и хам же он трамвайный!). А Витька сказал кэпу, чтобы клал его и меня вместо Славки и еще кого-то в мужской спальник. Кэп не протестовал. Славик расцвел, зараза. Вот бы ему...

Перспектива моноандрического спальника меня не шибко обрадовала. Сказать откровенно – пусть-ка молодежь прозябает (даже не от слова «зябнуть») в нем, а нам, старикам¹⁰, можно бы (выразительное многоточие)...

– Витя, похоже, ты перестарался, – только и сказал я ему.

Опосля этой разборки и калибровки мы сбежали по-английски не попрощавшись. Подготовительный день, а особенно, его финал, н произвел на меня приятного впечатления, о чем я Витьке и сообщил. Он пофыркивал, но тоже был не совсем доволен. Хотя насчет финала говорил, что так будет еще и лучше. Интересно, насколько правдиво? А я решил так: когда некто там, наверху, если таковой есть, решает судьбу крупной удачи или неудачи, то он учитывает мелкие обломы, вроде этого – алгебраическая сумма счастья и несчастья всегда равна нулю, это, к сожалению, закон. Так что, может быть, и в самом деле – к лучшему.

⁷ Вполне нормальная манера поведения, как я сейчас понимаю. Абсолютно точно, что я сейчас тоже и так же кому-нибудь не нравлюсь.

⁸ Очередность дежурства расписывалась заранее и строго соблюдалась. Нарушить ее мог только какой-то серьезный проступок, «попадание в черный список», за которое руководитель мог назначить дежурство вне очереди. Руководитель вообще много, что мог, и никто не спорил с этим.

⁹ Десятиклассница, в описываемый момент – командир штаба. Это важно помнить для восприятия тонкостей дальнейшего текста.

¹⁰ То есть уже восемнадцатилетним. Я и Витя были первокурсники МВТУ им. Н. Э. Баумана, все остальные упоминаемые персонажи, кроме Влада – школьники 8—10 классов.

День 1: 23 марта 1988 г., среда

Ночью я спал часа три. Около полуночи вышел проверить, попробовать лыжи, и благополучно сломались крепления. Бегом начал подлаживать, пригонять беговые, сажать на шурупы на эпоксидке крепления, мама шила бахилы, а еще рюкзак собран только наполовину... Веселая была ночь.

Утром к шести часам, как слегка рассвело, пошли с мамой в гараж смолить эти беговухи. Еле-еле хватило остатков смолы, и бензин в паяльной лампе кончился в обрез. Лыжи после просмолки напоминали леопардову шкуру. На вокзал приехал самым первым, и мы с мамой еще успели взять билеты на Пермский, на второе апреля, чтоб ехать назад, в Москву, прежде чем съехались туристы.

Все, как всегда, были веселы. Витька водрузил на себя бинокль Юли Маленькой с явным намерением с ним не расставаться и оглядывал «секретные объекты» в окрестностях станции. Сергей слишком громко шутил и смеялся. Эдик держался в обычной своей манере «слегка не от мира сего». Костя был спокоен, он еще не осознал, куда поехал. Девушки держались стайкой, понакупили аляповатых значков и раздавали всем-всем-всем. Кэп был флегматичен. Таня и Надя забыли дома, с недосыпа, вареных кур, а потому рванули за ними.

Ох уж эти куры! Помнится, почти год назад на Усьву тоже взяли пару кур на предмет сварить и съесть. Я тогда выступал рьяным противником этой авантюры, так что на сей раз Таня позаботилась о том, чтобы заранее успокоить мои чувства, возникающие при виде розовоголубоватых тушек престарелых цыплят. Это она делала с максимально возможной дружеской нежностью, не опускаясь до фамильярности. Зря старалась. Ибо если я и протестовал когда-то вплоть до того, что коллектив под моим руководством окрестил съеденных «голубые гомозиготные куры Шабановской породы¹¹» и придумал еще много нелестных прозвищ их тощим косточкам, невесомым, эфемерным волокнам мяса на них и деbeatой бегемотьей коже с закостеневающей остью, так вот – если я и протестовал, то для вида и для шума, а не для того, чтобы выкинуть этих цыплят... Ведь если зампомначхоз решила, что будут куры, то или будешь глотать крылушко и вспоминать Щукаря и вустриц, или будешь жевать все, что захочешь и что вокруг найдешь. А пошуметь-то оно приятно: сразу в центре внимания, а если что дельное сказать (правда, редко это бывает), то услышав, мимо ушей не пропустят; сказав же пошло, прощен будешь, ибо все помнят мудрое правило – не скользит тот, то не едет.

Кэп слегка нервничал по поводу завхозов, так как они явились только непосредственно перед поездом, и мы уже собирались закидывать их рюкзаки в вагон, а там уж как им Бог пошлет добираться. Но они благополучно приехали перед самым отходом и законно попали в черный список.

Сидим в поезде. Места заняли удачные, одно купе¹² целиком наше. Я поспал пятьдесят минут, когда отъехали немного, и почувствовалось, что глаза слипаются. Потом хотел поспать еще чуть, но не сумел не прислушаться к разговорам в соседнем купе, и сон слетел сам собой. В основном, вниманием там владел Витька: громко разговаривал, верный принципу разговорной анархии, пел *a capella* всяческое, в том числе похабщинки про поручика Голицына, и не сумел, или не счел нужным, остановиться на фразе

*А в комнатах наших сидят комиссары
И девочек наших ведут в кабинет¹³.*

¹¹ Мы так любили нашу учительницу биологии, что просто не было выбора, чьим именем торжественно наречь сей продукт.

¹² Плацкартного вагона, используемого в качестве общего.

¹³ 1988-й год, напоминаю. Комиссарам управлять Советским Союзом еще целых три года.

Я слез, пришел в общую толпу. Таня с Надей спали вобнимку. Эдик сидел на второй полке и читал или притворялся. Наташа глядела в окно и, вроде бы, мало обращала внимание на происходящее. Сергей «шутит», подобно Вите. Я же что-то не мел большого настроения, если и смеялся, то через силу, если шутил, наверное, глупо.

Поезд мчит. Дорога знакома: до Усьвы ездили не раз (а если конкретно, то пять раз¹⁴), а от Усьвы до Чусового рукой подать. Снега вокруг, за окнами, подозрительно мало, увалы оголились, и где снег еще остался, там натоптанные за долгую зиму тропы возвышаются миниатюрными темными хребетиками, чернеют от грязи – видно издали. Солнце слепит всюду, и даже в вагоне, за грязными стеклами Казанского поезда¹⁵, довольно светло. Я даже кое-что снимал кинокамерой. Надя проснулась, приподнялась, села, потягивается и не замечает, что потихоньку стрекочет камера. Вокруг глухо смеются. Увидела, отвернулась, пытается спрятаться, будто ей бедная кинокамера смертельное оскорбление наносит. Вот ведь неужели это столь неприятно, что с души воротит? Смею предположить, что нет, а так, поиграться¹⁶ хочется, вот и вся причина этих ужимок. Таня тоже проснулась, села, сразу увидела, что идет съемка, и, недолго думая, высунула язык. Очень мало людей перед фото- или кинокамерой могут себя вести естественно. Кое у кого это безусловный рефлекс: как заметят, что их снимают, так в лице меняются и страшные становятся, будто...

Толпа приутихла. Едем уже прилично, и первые эмоции на исходе. Кто бесился – спит, кто спал – не бесится, потому что не с кем: спят. Таня и Эдик лежат на соседних верхних полках. У Татьяны веселое настроение, она полезла щекотать Эдика, а тот уж и скорчился-скрючился, словно ему от той щекотки смерть смертная. Впрочем, сошлись в желании поиграть. Ему приятно, что до него девушке внимание есть, а ей только дай волю... Я еще, сдуру, начал Эдику деловые советы давать, как ее с полки легче обрушить, и все удивлялся поначалу, что ж он так пассивен. Витя сделал проще: с бокового места уперся унтом в верхнюю полку и задвинул ее вместе с ухажером почти что до конца. Мне понравилось. Я дурашливо заорал «Бис!» и схватил камеру. Витя с полным удовольствием сделал на бис, и кадр вошел в историю. Эдику это не понравилось: одно дело, когда Таня пальчиком, и совсем другое, когда Витя – да сапожищем.

– Витя, ну мы же комсомольцы, – укоризненно изрек он, что, впрочем, не произвело никакого впечатления. Интересно, как сюда может относиться комсомол?

Сидели, пели¹⁷, немного дурачились. Когда перепели и дельное, и всякую муть, мы на пару спели «Интернационал» Матвеева¹⁸ и по привычке, как делали в общежитии, перешли на нормальный, общепартийный, Интернационал. Вокруг сразу появились такие выражения лиц, что мы так до конца и не допели. А после нам, не отходя от кассы, сделали внушение – мол, петь нужно не здесь, не так, не в таком настроении, а лучше вообще не петь, как бы чего не вышло. Конечно, мы допустили несколько циничную ситуацию¹⁹, но вот что интересно. Кто-то протестовал против этого распевания искренне, но, не указывая особо лиц, можно с уверенностью сказать, что искренне возмущались не все. И когда мы привели неопровержимые доводы «за» типа того, что в дореволюционные времена его еще не так пели, и не там, и не тем составом, нам никто ничего толком возразить не смог. Вот ведь идеологи, а попадись им,

¹⁴ Право, это казалось очень много. Пять самостоятельных походов школьников с ночевками, обычно на 1 мая и 7 ноября, брезентовые палатки, ночлег на ватных одеялах, вот это всё.

¹⁵ №112, Соликамск – Казань. Давно отменен, как и многие другие поезда, и даже безрезниковский вокзал.

¹⁶ Все правильно. Мы же с Урала, а тут в ходу «мараться», «играться», «стираться»...

¹⁷ В ГКШ «Трубачи» под гитару пели все, и каким-либо образом мешать песне считалось крайне дурным тоном. Песня это святое, она должна дозвучать. Впрочем, слово «святое», разумеется, не столько употреблялось, сколько подразумевалось.

¹⁸ Евгений Матвеев: «Последней баррикады бой утих, и воздух смолк»...

¹⁹ Да. Очень широко тогда употреблялось слово «цинично».

так сказать, настоящий крепкий духом идейный враг, и пролетят, как фанера над Памиром²⁰. А интересно все же: с глубоко моральной и логической точки зрения, можно ли петь Интернационал или гимн не для случая, а для души, или даже не для души, а просто так?

... Чусовой залит солнцем. Мы стаскали лыжи и рюкзаки к желтой стене какого-то железнодорожного здания, в вокзал не пошли: там шустро копошился цыганский табор. Кэп пошел за билетом, оставив всю массу у вещей и сурово предупредив: глядите, кабы чего не украли. Отсутствовал он довольно долго, и я, справедливо предположив, что он занят осмотром достопримечательностей местного буфета, нашел его там и спросил, не сводить ли людей в столовую. Года два назад был я в Чусовом несколько часов и запомнил, где круглосуточная столовая. Командор разрешил сводить туда народ группами.

В столовой были цыгане. Бог мой, какая непотребная, грязная и убогая национальность!²¹ Поглядеть на них, так станешь националистом. Кричат по-своему, по-русски и совсем по-русски в голос, того им давай, этого. Одна цыганочка, лет шестнадцати, взяла две тарелки с кашей, подумала и аккуратненько выгребла серым пальцем пшенку из одной на другую. Толстуха в засаленном платке, багровея лицом, на всю столовую доказывала, что кассир не в ладах с устным счетом и прочей начальной арифметикой. Цыганенок, взявши загорелой от грязи ручонкой сомнительный биточек, жевал его, не отходя от кассы в буквальном смысле, и поглядывал красивыми, но абсолютно пустыми черными глазками на окружающих. Все наше внимание, за исключением самой малой части, потребовавшейся на отвлеченные разговоры, ушло на цыган да еще на то, что кэп с Танюшей, придя питаться, уселись как раз в противоположном от нас углу зала, делая вид, что с нами не знакомы. Ладно...

Шли назад, обсуждали проблему цыган дальше. Ни один большой русский писатель не прошел мимо цыганской темы – ни Пушкин, ни Лермонтов, ни, тем более, Горький. И всем казалось, что это нация душевная, свободная, самая свободная из всех возможных и невозможных народностей, еще бы – поле, верный конь, гитара, «эй, нанэ, нанэ, нанэ-нанэ-нанэ»... Посмотришь на них на вокзале, так ограничил бы им свободу передвижения конем и полем²²...

Вторая группа ушла есть и ко времени прихода электрички не вернулась. Кэп при помощи наиболее рьяных и верной Тани уложил уже лыжи в большие чехлы, чтоб удобнее таскать было, все готово, а народа – половина. Мы с Витькой что-то слегка вспыхнули по этому поводу и пошли, так сказать, навстречу. Смотрим, идут, как бы нехотя, не спеша, и мило беседуют. Вот народ! Командор ясно объявил время электрички, наверняка они слышали, как только что проматюгали прибытие, и – не спешат. Придали им ускорение и обнаружили, что еще кого-то из девчонок нет. Сделали пару кругов в районе вокзала, вернулись на платформу, а рюкзаков нет. Они уже в вагоне, и девчонки там же. Вот и вышло прямо по той морали: не перестарайся, усердствуя. Если бы кэп оттянул не их, а нас, за то, что пришли за три минуты до отправления, был бы прав. Вредная привычка беспокоиться за других.

Сначала я, Витька, Лена и еще кто-то ехали в тамбуре. Кого-то я не запомнил, потому что не видел, потому что мы сидели на ступеньках вагона и любовались пейзажами²³. Электричка шла медленно. Мимо плыли медные под закатным солнцем сосны, рыхлый снег, хранивший и проявивший от тепла все следы, оставленные на нем за долгую уральскую зиму, откосы, уже освободившиеся от снега, и голубое вечернее небо накрывало эту красоту. Куда там любой

²⁰ И пролетели, как известно. Всей страной.

²¹ Да. Сейчас за такие слова можно схлопотать уголовное дело, наверное. По статье о разжигании. Но нет уж тех цыган, о которых речь, и нет уж того первокурсника, которого можно было бы привлечь к ответственности. А слово из песни не выкинуть.

²² Да. Нетолерантно. См. предыдущее примечание.

²³ Не было в электричках автоматических дверей, ограничивающих свободу передвижения. Обычная дверь с нажимной ручкой, в любой момент можно открыть и подышать свежим воздухом. Считалось, что пассажиру вполне можно доверить заботу о собственной жизни и здоровье.

кремлевской стене, любому Китай-городу до простого уральского леса, где ели острее, чем готические шпили, а сосны рельефнее любого барокко! Воздух был свеж и текуч, и разговаривать о пустяках под стук колес было приятно. Дорога петляла, увалы по сторонам напоминали о том, что поезду предстоит проехать через хребет, а вернее, через три хребта Европейский, Главный Уральский и Азиатский²⁴.

В вагоне толпа сама собой распалась на несколько групп по интересам. Одна группа, вкуче со мной, Витькой, Надей, Наташкой и Леной веселилась культурно. Пытались поставить оперу про «раз-два-три-четыре-пять», водяного, вспоминали «Бременских музыкантов» да так, что почтенные пассажиры вагона оглядывались и недоумевали – и откуда ж таких выпустили?²⁵ Вторая группа, включая кэпа и молодежь, играла в кинга²⁶. Интеллектуальная игра. Третья группа была представлена наименьшим составом, но привлекала мое (и не только мое) пристальное внимание.

Эдик постепенно терял голову. Он первый раз пошел со штабом в поход и слегка одурел от близкого присутствия девушек, которые были совсем не прочь поиграть с ним. Сначала он просто подсаживался поплотнее к Ирине. Интересную он цель выбрал: сколько я помню с лагеря, она была всегда одной из строгих блюстительниц нравов. Для начала он скинул ботинки и вскарабкался на скамейку, где она сидела, под предлогом похолодания. Ирина посмеивалась; на противоположной скамейке Юля Маленькая смеялась громко. Ей тоже было интересно, а и что же будет дальше. Когда я обернулся в следующий раз, Эдик уже возлежал головой на коленях Ирины, а она вкуче с Юлькой чесала ему патлы. Надо было видеть, какое тонкое эротическое наслаждение было на физиономии Эдуарда! ... (выразительное многоточие.) Мне стало не то чтобы противно, но что-то около. Витя громким голосом, нимало не смущаясь, произнес: «Какая пошлость!!» Они не среагировали. Мы намекнули Наташе как идейному руководителю, что сие действие никак нельзя оставить без пристального внимания²⁷. Она сделала вид, что не оставит.

Наступила ночь. Проехали Теплую Гору, Европейскую, и небольшой контингент откололся в тамбур смотреть на геодезический знак Европа-Азия. Мы с Витькой тихо пошли по поводу Эдика, который дремал, обьяв Ирину. Славик дремал, обьяв Надю. Татьяна, возбужденная недосыпом, ходила кругами. Юноши из молодых были снулые от малости сна. Коля стоял с нами и внимательно слушал, изредка забывая закрывать рот. Помнится, говаривали мы в рамках дозволенного, но на грани того, что в штабе считалось недопустимым. Он такого еще не слышал, по молодости, и внимал, учился.

Сначала за знак приняли какой-то фонарный столб, и громко прокричали «ура». потом ошибку поняли и исправили, троекратно восприветствовав настоящий знак, белый, похожий на маленькую буровую вышку. Он мелькнул так быстро, что подробностей я не разглядел. Электричка разогналась и бежала километров восемьдесят, не хуже столичных²⁸. Ледяной ветер холодил до печенок, а над горным лесом стояли яркие звезды зимнего неба, великолепный Орион, и Сириус холодно переливался, будто маленький яркий шарик перекатывался по черному бархату небосвода. Луна была в зачаточном состоянии и уже скатилась так низко, что не мешала видеть звезды. Глядели мы на них в бинокль, с которым Витька не расставался, хотя и препоганый он был – все в изжелта-зеленых тонах показывал, а воздух был чист, и у каждой звезды, до самых малых, простым глазом можно было различить цвет.

²⁴ Конечно, от хребтов там уже мало что остается, на этой широте, но станции-то с такими названиями и сейчас есть.

²⁵ Однако ж трезвая молодежь, распевая песни, в те времена пользовалась уважением. Сейчас правила проезда это запрещают.

²⁶ В карты то есть. Школьники. В электричке.

²⁷ Да. Строгие тогда были нравы. Домострой, фактически.

²⁸ Просто бесподобно в такой ситуации ехать, приспустившись из открытой двери вагона на пару ступенек лестницы. Жаль, что теперь это невозможно.

День 2: 24 марта 1988 г., четверг

В Гороблагодатскую приехали к полуночи. Выгрузились. Занесли вещи в вокзал – на улице было свежо, предстояло несколько часов ждать поезд Свердловск – Бокситы. Поели в весьма средней по качеству и количеству круглосуточной железнодорожной столовке. Продолжалось обсуждение Эдика и Ко, да и он сам подавал определенный к тому повод, чрезмерно картинно заботясь о ней. Довольно весело, не сказать – смешно, было наблюдать это козыряние в воскресной школе.

Вышли из столовой, слегка насытившись. У Тани было хорошее настроение, ей хотелось слегка постоять на ушах. Витька решил предоставить ей такую возможность, точнее, с целью оценки ее массовых характеристик, предложил запрыгнуть к себе на ручки. Таня не преминула. Витя устоял, хотя и пошатнулся, после чего посоветовал ей искать кого другого, кто ее на ручках носить будет.

В зале вокзала пытались уснуть. Скамейки в Горе были до невозможности неудобными, с разделительными подлокотниками, чтобы одна персона сидела, а другая к ней присесть не могла. Дизайнеры заботились о чистоте нравов.

Витя плюнул на пол и на такой сидячий, с позволения сказать, сон, раскинул пену на кафеле пола, вторую – под голову, накрылся ватником и заснул. На скамейках же творилось нечто интересное. Я скромно уселся в уголок и нескромно начал наблюдать за обществом.

Наташка с Надей вложились в две ячейки скамьи, со всех сторон закидались куртками и отрубались.

Сергей крючился-крючился на сиделище и умудрился-таки уснуть.

Лена сидела рядом со мной и попыток спать не делала.

А вот за ней, дальше, происходило то, на что стоило посмотреть. Эдик, чтобы обеспечить Ирине крепкий и здоровый сон, поукрывал ее куртками, возложил ее голову на себя. Сидел он к ней подозрительно близко – уж не в одной ли ячейке, что само по себе парадокс, учитывая суммарные габариты. С другой же стороны на него облокотилась Юля Маленькая. Но по неопытности своей, мягкого лежбища Эдик из себя изобразить не смог, и Ирина все время пыталась устроиться поудобнее, а Эдик ее пытался уговорить тихим нежным шепотом. Кончилось это тем, что возмущенная помехами ее сну Маленькая вскочила, сказала:

– Ну что такое! Как только я начинаю засыпать, они тут же принимаются мурлыкать! – и ушла гулять со Степаном²⁹, которому тоже не спалось...

Реплика насчет мурлыканья мне понравилась, к тому же, Ирина с Эдиком, оказывается, беззастенчиво прозвали себя кошечками. Итак, теперь проблема – как сообщить Эдику, что он – мартовский кот, так, чтобы побольше народу вокруг, и чтоб к случаю, а не как штука-турка с потолка? Думаю, это будет действительно³⁰. Сон так и не соизволил придти ко мне вплоть до самого прибытия поезда до Бокситов, чему я был не слишком рад. Хочется, не хочется – ночь существует для того, чтобы спать, пусть сидя, пусть стоя. А денек, сдастся, будет не из легких. Кэп обещал на сегодня километров несколько, а первые километры – они, говорят, самые трудные.

Билеты в поезд достались неудачные. А может быть, и удачные, с какой стороны посмотреть. Плацкартные, но в четыре разных вагона: 2, 11, 12, 13³¹. Мы втроем с Витькой и Сергеем

²⁹ Не Степаном, но реальных имен без повторов уже не хватает, а фамилии я решил не писать. Хотя, к моему огромному сожалению, этот герой повествования уже точно не привлечет меня к ответственности за свои персональные данные. Инсульт в сорок лет плюс оптимизация медицины в Березниках. *Каким ты был, таким остался: Орел степной, казак лихой...* Поэтому пусть здесь будет Степаном.

³⁰ Сам не верю, когда читаю, что и насколько меня беспокоило *триста лет тому назад* (С)...

³¹ А ведь не было возможности эти билеты взять заранее, вообще и никакой. Единственное – ехать до станции отправления,

попали в 11-й. Пришли, там, естественно, сонное царство – четыре утра, как же еще. Всунули лыжи на третью полку, вложили рюкзаки, и молоденькая, испуганная появлением этаких мавров³², проводница сообщила, что у нее только два места, и те – верхние боковые, а соседние вагоны она уже обегала, и там нет ничего, так что... Да, но может молодые люди сообразовывают подождать два часа, на такой-то станции у нее выйдет уйма народу... Проводнице было явно неудобно. Еще бы: двое с лыжами, особенно, в ее невыспатых глазах, виделись ей, наверное, чем-то очень большим. Я большим видеться не мог, но держал нож в ножнах на поясе³³, а об оплывших за время сна в Горе лицах и говорить не приходится.

Коротко говоря, два часа мы болтали в тамбуре. Сначала разговор был пристоеен, но когда фаза совсем взыскрила, посыпались реплики очень выразительно многоточного класса. Сперва Сергей только вскрикивал: «Какая пошлость!...», а уже через полчаса то же самое говорили ему мы.

Плохо вспоминается, как я очутился на нижней боковушке, где и проснулся часов в одиннадцать. Вроде бы ехала там какая-то бабушка, а может, дедушка, или не дедушка вовсе... Да не все ли равно? Главное, что некоторая «провинность» ни в чем не повинной проводницы (два часа в тамбуре стояли, ах они бедные³⁴!... – было написано на ее лице всякий раз, когда она проходила мимо) толкнула ее на нарушение инструкции, и мы валялись на матрасах, не взяв белья, что строго воспрещено.

Утро было тяжеловатым. Несмотря на былую долгую практику недосыпов, голова погудывала, и хотелось есть. Сходили в буфет, оставили там трояк³⁵ и запаслись чем-то не слишком вкусным, но съедобным. Во время поедания этого, мимо, в тот же буфет, прошла другая делегация, но лимонада ей уже не досталось. Воистину, Господь знает, кому дает: они-то всю ночь спокойно спали...

За окошками стали появляться возвышенности, снега на которых было до обидного мало. И зачем, спрашивается, брали мы лыжи – на смех окружающим? Солнце светит ярко, каждое дерево обтаяло до земли, и остатки снега быстро и верно превращаются в воду. Ладно, кэп знает, что с собой брать, а что – нет.

Помня, что на билетах было ясно написано – до станции Бокситы, мы на этой станции похватили вещи и вылезли из вагона. Сонный командор тоже вылез, почесывая пузо, но... без вещей. Увидя нас, он растерял остатки сонливости и, после пары комплиментов, объяснил, что на Бокситах кончается власть МПС³⁶, а дальше, до Североуральска, куда мы, собственно, направляемся, нас повезет по заводской ветке мотовоз, а посему надо залезть в вагон и не рыпаться, а что насчет сообразительности...

Лыжи мы втащили не к себе, дабы не вводить в смех проводницу, а в 13-й вагон, где ехали Эдик, Коля, Юля и Славик. Погуляв на улице и полюбовавшись на открывающийся из-за маленького вокзального домика вид на горы Золотая и Пумпа³⁷, соединенные провислой перемычкой, пожужжав кинокамерой, мы вошли в вагон. Там было маревно и *томно*.

Слава, явно чем-то не совсем довольный, сидел на лавке. Напротив с краю сидела Юля с непроспавшимся лицом и смотрела отчужденно. Головой на коленях у нее приютилась

наперегонки бежать в кассу, кто успел, тот и взял. Кто не успел, за три часа до отправления будет первый сброс билетов, надо именно в этот момент оказаться у окошка. Не повезло – за час будет второй сброс, в шутку называемый *бронь обкома*... Если и тут не повезло, из вокзала никто не гонит, он на ночь не закрывается (ни один!), сиди сутки до следующего поезда.

³² Сам себя не похвалишь – кто же осмелится?

³³ И ни один милиционер не находил повода придаться. А полицейских тогда не было, то ли уже, то ли еще.

³⁴ Не был я специалистом по физиогномике, что поделать.

³⁵ То есть жутко много. В столовой можно было поесть копеек на 80, рубль съедался с трудом.

³⁶ Министерства путей сообщения, в вольном толковании – РАО «РЖД»

³⁷ Специально не исправляю. Конечно, Кумба. Но тогда не было ни бумажных карт, ни мапс. гугля. Незнакомые названия вновь увиденных гор приходилось выяснять в разговорах с аборигенами, а разговаривают они всегда невнятно.

Ирина, за которой в углу сидел помятого вида Эдик. При нашем появлении он издал тихий стон и нежно прилег (да простят меня!..) на таз к Головиной³⁸. Та повела бедром, и Эдик, дабы не улететь на пол, сел. После повторной неудачной попытки он восстенал, что ему было так удобно, а она... Она промолчала. «Какая пошлость!» – хором подумали мы и удалились в тамбур. Очумел Эдуард... как там его по батюшке, не знаю.

Североуральск встретил ветром, солнцем и обилием конкурентов. Насчитали групп семь, не меньше. Рюкзаки свалили в кучу, кэп побежал в КСС³⁹, приказав накормить народ в близлежащей столовой. Народ поел в столовую, мы с Виктором остались дежурить над рюкзаками и посоветовали Наташке остаться с нами – был разговор по поводу *котика*, и вообще провести время в разговоре с ней приятнее, чем с другими девушками. Ей не особенно хотелось идти есть во вторую очередь, а может быть, просто постеснялась, но все же начала склоняться к воплощению нашего совета, да Ленка увела под шуточку. Вот спасибо-то...

Туристы трапезовали долго. Мы успели завершить тему разговора, хотели написать «клевтон» на этот случай, я даже слазил в рюкзак к Наташке и уже почти добрался до маленькой записной книжки-дневника, как вдруг наткнулся на тугую скрутку розовой туалетной бумаги. Это привело меня в такое смущение, что я поспешил застегнуть карман, и больше туда не совался, дабы не найти еще чего эдакого⁴⁰. Еще я успел поговорить с какой-то общительной бабушкой, которая сообщила, что город большой, «большой город – на шахтах, поселках вон народу сколько», люди хорошие, лучше, чем на европейском Урале, а сын у нее в Березниках в танковых служил, и люди в тех Березниках – нелюди, и вообще, Североуральск лучше, жрать, конечно, нечего, только в Европе еще нечего... Все бы ничего, но какие такие танковые в Березниках? Никогда их у нас не было. Служил, наверное, шофером в стройбате или на автобазе колодки клепал...

Толпа начала возвращаться. Сходили и мы, поели. Не особо качественно, но и недорого. Что самое интересное, что здесь, то в Гороблагодатской – чистые вилки и ложки. Нонсенс – после Москвы, конечно. В столовой подсел кэп и после недолгих уговоров поделился планами. Выедем мы не во Всеволодо-Благодатское, как все нормальные туристы, а в Баяновку. Туда и автобусы ходят чаще, и есть возможность проехать в обман МКК⁴¹ 40 км на машине до Крива Сосьвинского, а там – 10 км до Сольвы, куда нам и надо. Стандартный же вариант – уехать на Всеволодку и 44 км пешком за два дня, и машин там быть не может. Вся глубина замысла руководы раскрылась потом, тут же я мысленно пожал плечами – плохо еще представлял, какая разница – 40, или 50, или 10...

Вернулись. Люди стояли, пели. Мне что-то не захотелось, но я бы встал в круг, да одному вдвигаться неудобно было, а Витька наотрез отказался. Интересная у него метода – в поведении мало считаться с окружающими, если нет ничего военного. На мой взгляд, все-таки нужно слегка придерживаться в рамках, которые делает коллектив или даже просто собеседник. Но на сей раз я отошел на середину привокзальной площади, снял панорамку, а потом мы прогулялись по лиственничной аллее до центральной площади городка, метров четыреста, поглазели и вернулись обратно. А городишко-то махонький, зря та бабушка его преувеличивала.

³⁸ Эх, ну почему ж он, почему на я?!

³⁹ Контрольно-спасательная служба, в вольном толковании – подразделение современной МЧС. Они тогда были, работали, спасали, и отмечаться у них было обязательно.

⁴⁰ Чудо чудное. Неужели это был я?

⁴¹ Маршрутно-квалификационной комиссии, общественным органом выпуска на маршрут, оценки походов, аттестации туристов и присвоения разрядов. Это был очень влиятельный орган, он имел печать, что в СССР было редкостью, и эта печать имела вес. И у милиционеров на вокзале, и в кассе на автостанции, да и просто слова «у меня тройка участия» наполняли произносящего гордостью. Всё куда-то делось, на момент корректирования книги МКК это одна из неглавных и нищих комиссии соответствующей федерации, разряды не присваивает, да и немного где осталась.

Туристы отпелись, разошлись кучками. Влад объявил время автобуса – до него оставалось минут сорок. Мы выпросили у Наташки листок и ручку и принялись сочинять клеветон на события прошедшего времени, так как в дневнике, что мы читали, было написано довольно скупо и неинтересно. Клеветон вышел ядовитый. Не помню его дословно, но был он лаконичен, и каждое второе слово несло по две нагрузки. Сначала описывался теплый вечер, а потом через две-три фразы шли слова типа *холодало* или *ночь обещала быть холодной*, а далее – кто, как и об кого грелся. Про «котика», дабы не заострять особо внимание, было всего несколько предложений, но из них брызгал яд. Что-что, а съязвить мы еще могём⁴²...

Поданный Наташе⁴³, клеветон выявил некоторый интерес к этой проблеме, но наблюдать долго мне не удалось, поскольку Эдик тоже проявил интерес, и пришлось его деликатно убрать подальше от места, где девчонки читали и фыркали.

Пришел автобус, и набилась в него чертова уйма народу. Сначала думал, что не уедем, но, оказалось, влезли чудным образом все, и поехали все. Основная масса вошла в переднюю дверь и пела песни, а я залез сзади с лыжами, Костей Катаевым и еще некоторым контингентом, включая Эдика. Разговор зашел смазливый, и как-то подошло под руку – высказал ему насчет мартовского кота. Он внимательно осмотрел меня, себя и тоскливо подумал, что бы мне в ответ этакое отмочить, но не нашелся ни сразу, ни потом⁴⁴.

На заднем сидении сидел один интересный товарищ и походя вел экскурсию по проезжаемым местам⁴⁵. Ничего, занимательно. Вокруг то, что раньше читал в книжках про всяких сибирских геологов, аляскинских промысловиков и т. д. Грязь невозможная, автобус ковыляет по дороге еле-еле, параллельно идет однопутная железнодорожная ветка, пустая и даже без столбов...

Баяновка – домов семьдесят, наверное, большое село, магазин, клуб. Девушки сразу же смотрелись в промтоварный, Татьяна какую-то тушь для ресниц даже приобрела. Вот ведь девичья натура: надо-не надо...

Влад куда-то ушел искать машину на Крив, мы остались в маленькой будке на остановке. Прогретый солнцем павильон, чистый и ветхий, согревал душу теплом отполированных временем досок. Было приятно расслабиться и расплзтись мыслью по давно некрашенному дереву. Рядом, на крыльце клуба, пристроилась пермская группа, ребята – школьники, собрались с нами до Крива. Наши порасселись в будке после посещения магазина и всего остального, как делать нечего стало. Лена гадала на картах Эдику. Степа как ремонтник что-то подштопывал, Ирина подавала ему иголки⁴⁶. Мы отвели Наташу в сторону, спросили – как клеветон⁴⁷? Хорош, ответила, но не для дневника, а для общего образования. А что насчет котика? – Скажу, говорит, Иринке уже намекала. И так это все сухо и с чувством собственного немалого достоинства. Вот ничего себе, думаю, командирский тон проявляется. «А какое, – говорит, – вам вообще дело до них?» Типа того, что пусть что хотят, то и делают. Я немного растерялся от такой постановки вопроса и, надо сказать, очень нескоро нашел приемлемые доводы насчет того, что дело есть, и как же без этого⁴⁸. Впрочем, разговор не получился, Наташа явно не захотела обсуждать эту тему. Вольному воля.

⁴² Когда котятятся не с нами. Что поделять, все мы люди, и с каменных веков люди не так уж изменились.

⁴³ Еще раз: актуальному командиру городского комсомольского штаба. Это, конечно, не помощник секретаря райкома комсомола, но очень важный товарищ, и в рамках штаба очень влиятельный.

⁴⁴ Да, мне тоже уже надоело *про это* читать.

⁴⁵ Вот от него мы и услышали «Кумба», а поняли «Пумпа».

⁴⁶ А не Эдику, заметим.

⁴⁷ Очень хотелось, чтобы похвалили, и чтобы наша нестигаемая воля привела к изменениям в окружающем мире.

⁴⁸ И, к сожалению или счастью, этого совершенно не помню. И не понимаю.

Пришел мрачный начальник. Почти договорился с каким-то шофером, но у нас, русских, чуть-чуть, как известно, не считается. Последовал приказ – топать за околицу в лес, а утром, может быть, уедем.

Пошли. Я все бегал, пожужживал кинокамерой⁴⁹, а туристы обнаруживали неумение ходить кучно и быстро растянулись на приличное расстояние.

Костя явно не знал, куда ему девать сумку с теми самыми курами, за которыми Таня с Надей лётали в городе. Ему эту сумку доверили донести до леса. Он тяжело пыхтел и часто перебрасывал авоську из руки в руку.

– Закинь на рюкзак, – посоветовал я. Он попытался, но малоуспешно.

– Да. Так. Я. Еще. Не. Ходил, – сказал он с передыхами.

Поскольку прошли всего метров триста, я с интересом представил, что же он будет делать завтра на десяти километрах, и поинтересовался, ходил ли он вообще в походы. Костя рассказал, что ходил – в какие-то парусные, где, коротко говоря, довозили до места и назад от места. Да, весело ему будет завтра.

Пришли в лес. Сосенки стоят приятные такие, душистые, полянка, как для нас приготовлена, и две группы – пермяки и еще одни пермяки – уже кашу варят. Побросали вещи, вытащили топоры. Бог мой, ну и молодежь пошла! Стоит от (имярек) около сушины и тяп... тяп... тяп... То ли дело – Виктор подойдет, прицелится, ррраз – неси, имярек, а топор-то оставь, ни к чему он тебе...

Дрова напластали быстро, Славки принялись костровать, а большая половина принялась за палатку. Витька пролез вовнутрь, встал временно вместо кола, вернее, около него, и все кричал, что он – золотая рыбка в океане, и его поймали неводом. Под неводом, очевидно, подразумевалась палатка.

Палатка, кстати сказать, была у нас интересная – белый двенадцатиугольный шатер с дном и дыркой под трубу, «нулёвый⁵⁰» – могу представить, сколько усилий понадобилось Владу, чтобы взять его в турклубе⁵¹! Существенным неудобством являлось то, что шатер приспособлен был для постановки на снегу, в который легко втыкаются лыжные палки, а не на мерзлой земле, куда и кол-то топором не загонишь, не попотевши. Молодежь встала по углам, а я бегал кругом с мотком киперной ленты, подвязывал углы, колотил кольшки, но все равно постановка вышла не слишком ровная. И Бог с ним: стоит, и ладно. Внешний вид – белый шелковый купол, один сегмент, противоположный выходу – оранжевый, чтоб впотьмах выход не искать, по стенке не бегать – скрадывал небрежность постановки. Соседи тихо завидовали: их брезентушки не имели ни вида, ни вместительности, а только немалый вес, как любая советская палатка для массового туризма.

Ужин поспевал. Саша махал топором, тщетно борясь с сучками. Славка усердно дул в костер. Девушки стаскали рюкзаки под одну сосну, собрав их с большой площади, по которой их разбросали мастера-туристы. Сильные девушки. Мы при помощи Лены раскидали пену и спальники по палатке и устроились поваляться, и тут произошел небольшой инцидент.

Дело в том, что кэп, лишенный на два года армии общения с культурными штабными людьми, приобрел привычку говорить некоторые выражения. Одно из них, наиболее цивилизованное, которое он регулярно употреблял, это «нафиг» и все его комбинации, какие только возможно придумать. И падкие на подобные вещи штабисты, и мы вместе с ними, стали употреблять то же где попало. Вот кто-то слишком громко послал кого-то нафиг, и раздался металлический голос Наташи, обещавший смертные кары нафигистам. Но угораздило же

⁴⁹ Да! Она у меня была! Это была невидинная роскошь... и лишние 5 кг в рюкзак, потому что надо было тащить не только двухкилограммовую трехобъективную «Неву» на шею, но и кучу катушек с пленкой. Потом их проявлять, путем склейки монтировать фильм и гордо демонстрировать. Все смотрели с интересом.

⁵⁰ То есть ни разу не использованный: следы даже одного употребления на зимней палатке остаются навсегда.

⁵¹ «Зима». КСС умерли, МКК туда же движутся, а «Зимы» остались до сих пор.

Витьку почти что вслед за этим, в приватной беседе в палатке, но чересчур отчетливо, повторить данную реплику, и предупреждение последовало уже в персональный адрес. Да таким жестким голоском... Он обиделся, но промолчал. Командирша – пусть ее командует. Но долго еще ходил и про себя возмущался – вот ведь, зубы, что ли, режутся...

Солнце садилось. Куры варились, побулькивая в котелке. Мы с Витькой и Леной сидели в шатре и душевно беседовали. Вылезать не хотелось – все же несколько намотались за день, да и ночь была не в лучшем варианте. Но желудок, ясно расслышав призыв к вечерней трапезе, шуру выгнал нас наружу. Куры были ничего, если учесть, что давно уж не ели. Во время ужина кэп вспоминал былые похождения – как ходили, как их на вертолете откуда-то вывозили, как «Уралкалий⁵²» за это полторы тысячи выложил⁵³... Витька фыркнул и сказал, что не любит людей, которые обмениваются в одностороннем порядке воспоминаниями с мало-знакомыми личностями. Я бы и послушал, но тон кэпа мне отчего-то тоже не понравился, и я с ним пошел заниматься благородным делом – обрубать нетолстые сухие пенечки на костерок. Народ не очень понял наш порыв, но мне было как-то все равно. Пусть-ка и народ голову поломает, что это нам в голову ударило, а то уж и думать разучились, как издали посмотришь. А может, кажется: старики, и штабные тоже, всегда горазды на молодежь поворчат⁵⁴.

Ночь приближалась. Немного похолодало, и стал поддувать легкий, но препротивный из-за своей температуры ветерок. Начальник приказал – спать и полез в палатку, распределив на первые два часа дежурных по паре на час: Баяновка рядом, а кто, что там – кто его знает. А рюкзаки на улице и т. д. и т. п. Все, короче, правильно. Мы попали дежурить с часу до двух ночи, а перед нами – Лена с Наташкой, у которых было некоторое настроение для бесед. Мы немного поговорили, и около половины одиннадцатого они залезли спать. Мы спать не хотели, да и углубляться в спальник, где мерзли Эдик с Сашей, не допущенные до лучшего места, не было желания.

Ирина со Степой дежурили, жгли на соседней березе шахтерку – мыли посуду. Вот чудики, нет чтобы экономить электричество, которое нужно будет еще целую неделю⁵⁵, подтащились бы к костру поближе – да и теплее у него. Помыли. Степан уселся сушить резинки Ирины, я сушил валенки Кости, в которых он сегодня походил весь день. Не шибко веселое было занятие, если учесть, что литра два воды в них было. Сидели и тихонько беседовали на не помню уже какие темы, изредка отходили искать в темноте пеньки, или сучки, или что другое горящее, но поиски, как правило, были безуспешны. Если бы просто темнота, то еще ничего, а то над баяновской автобазой засветили здоровенной мощности осветитель, и он прилично слепил глаза.

На огонек прибежали парами и более местные собаки и живо интересовались нашим бытом. Молодежь их шугала, кидала дефицитными сучками; мы с Виткой мирно с ними беседовали и в конце концов договорились, что они после часа уже не появлялись.

Время шло. Валенки сохли, портянки я уже мимоходом высушил. В гости пришли соседи – пермяки, трое юношей: два – десятый класс, один – девятый⁵⁶. Мы тихонько поси-

⁵² Градообразующее предприятие Березников, сейчас ПАО.

⁵³ Годовая зарплата начинающего инженера.

⁵⁴ Сейчас мне, разумеется, не нравятся те, кто *меня* у костра не слушает – ведь я, действительно, рассказываю интересные и нужные для начинающих туристов вещи. Полагаю, что и Влад тогда с высоты своего опыта рассказывал нужное и интересное для нас. Чуть-чуть меня оправдывает, что мне все же хотелось послушать... но вот поддался. Я вообще тогда поддавался охотно.

⁵⁵ Шахтерка «садилась» часов за пять, фонарики на батарейках – за час.

⁵⁶ Тоже в зимнем лыжном походе. Я к тому, что наша группа не представляла собой ничего уникального – в весенние каникулы тысячи детей направлялись в леса и сугробы, без всяких договоров с родителями (достаточно «ладно, иди»), Роспотреб- и прочих надзоров, медицинского сопровождения при переезде более четырех часов и запретов почему-то ехать ночью на автобусе. В общем, без всякой современной дури, якобы продиктованной заботой государства о безопасности детей (которым через год в армию).

дели, и пришло время будить следующих дежурных, что Степа, забираясь спать, и сделал. Вылезла Наташка, страшенькая после часа сна, и Ленка – не лучше. Полязгивая зубами, присели у костра на заранее принесенные нами чурки. Пригрелись. Почти одновременно вылезла Юля по причине неумения спать в тесном спальнике. Странные люди – готовы не спать, поджариваться со стороны костра и подмерзать – с другой, только бы не пихаться в спальнике. Тут мораль одна: спать захочешь – и стоя уснешь.

Пермяки с малоскрываемой тоской посматривали на наших девушек, ибо группа у них была моноандрическая.

Кто-то предложил поиграть в откровенности. Смысл игры такой, что в кругу кто-нибудь называет первое попавшееся число, это количество отсчитывают по часовой стрелке и тому, на кого попадет, называвший вопрос задает вопрос, считается, что любой, и отвечать надо только искренне. В принципе, игра ничего, только играть надо ограниченным кругом, только свои, и система распределения вопросов должна быть другая, ибо в кругу до десяти человек (а больше-то и не надо) каждый элементарно просчитывается, и получается, что вопрос задаешь тому, кому захочешь, только скрывая это. Какая уж тут откровенность, если с невинным видом говоришь «пятнадцать» и твердо заранее знаешь, у кого и что будешь спрашивать.

Эта игра гостей наших укачала. В самом деле, что спрашивать у незнакомых людей? Имя – фамилию? Смех. Одно было развлечение – около половины второго подъехали два баяновских камикадзе на мотоциклах, один – без света, постояли десять минут у костра. При их приближении я аккуратно нащупал и придвинул поближе к себе топор, но ожидания не оправдались⁵⁷

⁵⁷ А если б оправдались, никакого толку от топора в моей руке не было бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.